

Глава первая

Ее никто не любил, кроме, конечно, мамы и бабушки. А что им оставалось делать — такая уродилась, а вот папа не выдержал, сбежал. Мама говорила, что ни один мужик с таким чудовищем в одном доме находиться не сможет.

— Вся в деда своего ненормального, — бурчала бабушка, — крикливый был, вредный. Хорошо, что помер при социализме, царство ему небесное, а то сегодня бы по митингам бегал, с коммунистами затрапезными глотку драл. А тебе чего орать? — спрашивала она, переворачивая с животика на спинку шумную черноглазую девочку. — В тепле, в сухости, накормленная, умытая. Ну чего плакать-то?

По поводу сбежавшего зятя у бабушки тоже была своя версия, которую она громко излагала в ежедневных перепалках с дочкой. Машку, внучку, она в крайние не записывала, но при этом странным образом все же числила ее одним из факторов развода. Вот если бы ребеночка не нагуляли — свадьбу бы не сыграли. Значит, все-таки виновата Маша — не собирайся она появиться на свет, может, ее мама Наташа и папа Саша, нагулявшись вдоволь по студенческим пирушкам, накувыркавшись в постели и натанцевавшись в клубах, спокойно расстались бы, не отягощенные неудачным семейным и родительским опытом. Наташа могла бы продолжать ежегодно поступать в театральный институт в надежде бросить свой надоевший технологический, а Саша мог бы всерьез задуматься о большой науке и как минимум сдать кандидатские. С рождением Машки их беспечность в отношении дня сегодняшнего и энтузиазм по поводу дня завтрашнего немного поубавились.

Наташа и прежде не умела подолгу находиться в доме. Всегда ходила по квартире как неприкаянная. Насыженным местом был диван с тумбочкой для телефона. На ней, кроме нагретой ухом трубки, валялись огрызки

яблок, косметика и сигареты. Еще таким местом была ванная, где она могла часами отмокать, умудряясь листать конспекты и что-то жевать.

Саша, наоборот, поселившись у них, сразу наполнил собой тесное пространство двухкомнатной квартиры. Он был домосед, а Наташку отпускал на все четыре стороны: куда она денется на шестом месяце, с животом, торчащим на щуплом теле, как футбольный мяч? Но когда Маша вылезла из Наташи и заголосила, то всем вокруг захотелось выйти из дому по неотложным делам. Наташа перешла на вечерний и стала лучшая на курсе по посещаемости. Саша ночами просиживал в лаборатории, а бабушка Вера заявила, что им в няньки не занималась и у нее есть своя личная жизнь.

Все вокруг ругались, ссорились, а Машка дрыгала ногами, пускала слюни и редела. А как еще она могла выразить свое возмущение — никто не желал с ней возиться. Всем и всегда хотелось видеть ее только спящей. И говорили они одно и то же: «Ну просто ангел, когда спит зубами к стенке!» После того как мама с папой доругались на почве распределения родительских обязанностей до развода, бабушка Вера отменила свою личную жизнь и взялась за внучку, но было уже поздно.

Маше исполнилось три, но толком она ничего не говорила, только мотала головой, как ослик, мычала и ныла. Успокаивалась, когда ей на голову надевали наушники и ставили аудиосказку или просто музыку. Врачи забили тревогу давно. Еще на первой неделе жизни патронажная сестра, ощупав младенца, заявила, что у ребенка слабый тургор, бледность тканей и нечетко выражен хватательный рефлекс. Нет ли в роду шизофреников? Бабушка Вера многозначительно усмехнулась и посмотрела на зятя. Это не осталось незамеченным, и, как только медсестра ушла, начался скандал. Все громко и долго ругались, а Маша старалась их перекричать. Через два года районный педиатр нашел у девочки все признаки запущенного рахита и послал к невропатологу. Возмущенный

таким диагнозом невропатолог назвал самого педиатра рахитом и послал на энцефалограмму. Машу так и смяк вертели, просвечивали, прощупывали, простукивали, но безрезультатно. Все было в норме, а девочка не бегала, не прыгала, ходила медленно и часто, замирая, останавливалась, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. Если кто-то пытался вывести ее из этого ступора, она начинала орать. Очень неприятно было смотреть, как ребенок сидит часами, уставившись в одну точку, по-старушечьи мусоля в руках кончик какой-нибудь тряпочки, все равно, платица или скатерти, и беззвучно шевелит губами.

В детский сад Машу приводили всегда зареванную, задыхающуюся от страха. Заведующая садиком заканчивала педагогический и поначалу заинтересовалась Машенькой. Но, испробовав все перечисленные в учебнике методики и не добившись ничего, кроме глухого молчания, к девочке охладела. А после одной неприятной истории посоветовала перевести ее в любое другое, а лучше специализированное детское учреждение, как несовместимую с нормальными детьми. Дело было в том, что Маша, обычно не говорящая ни слова, обозвала воспитательницу сухой и прокусила ей до крови руку. Случилось это в середине лета.

Старшая группа вышла на прогулку. Жара расплавила асфальт, высушила траву. В сквере, где обычно выгуливали детсадовских, достраивали к уже существующему ряду торговых ларьков новые будки. Горячий воздух был пропитан запахами стройки, но самый ядовитый шел от большущей бочки зеленой краски, которая стояла у дерева. Ни пыль, ни вонь не могли повлиять на решение воспитательницы перейти в другую часть сквера — она пришла сюда на встречу с любимым. Его звали Маратик, и был он прорабом на строительстве данного объекта. Познакомились неделю назад, когда материалы завезли, а потом, как только поставили строительный вагончик, сошлись ближе некуда.

Восточная любвеобильность замученного семейной жизнью прораба и молодая похотливость одинокой Таньки творили чудеса. Ему нравилось тихонько подкрадываться к Татьяне Олеговне и, прикладывая палец к губам, чтобы детишки не выдали, щипать ее за попу. Она вскрикивала, дети покатывались со смеху. Марат им нравился. Он угощал конфетами и уводил воспитательницу ненадолго в вагончик. Таня, выставив лицо в окно, а другую, противоположную часть тела — под страстный и жесткий напор джигита, внимательно наблюдала за детьми. И случись что или даже не случись, а возникни опасная ситуация, Таня через секунду была бы возле детей. Упрекнуть ее в безответственности никто бы не смог.

Но на этот раз она не рассчитала: дети зашвырнули вола-ланчик на дерево, под которым стояла бочка с краской. И никто не решался его достать, хотя висел он низко, если встать на бочку — легко рукой дотянешься, но Татьяна Олеговна запретила туда подходить. Решили сбить его палкой, не получилось, тогда Маша, которая всегда была в стороне от коллектива, вдруг подошла вплотную к бочке и легко на нее взобралась. Крышка под ногой, обутой в коричневый сандалик, пошатнулась и съехала в сторону. Маша потеряла равновесие и провалилась внутрь бочки. Ей повезло, что краски там было на треть, но и того хватило, чтобы покрыть девочку почти по грудь. Дети закричали, а Таня вылетела из вагончика, не успев получить того, за чем туда ходила. Марат очумел от молниеносного исчезновения женщины, которая секунду назад так удобно притерлась и вдруг соскочила. Он раздумывал, стоит ли ждать Татьяну, но, выглянув в окно, быстро натянул штаны и бросился на помощь. Таня приказала всем детям сесть на корточки и не вставать. Она наклонилась над бочкой и заорала на Машу так, что с соседних деревьев слетели воробьи. Маша закрыла глаза, чтобы не видеть перекошенное злобой лицо воспитательницы.

— Тебе кто разрешил сюда подходить?! Ты что, русского языка не понимаешь?! Теперь будешь сидеть тут до

ужина, пока родители за тобой не придут. Ты хоть понимаешь, во что ты превратилась, тебя же теперь не отмыть! Господи, что за наказание! Не ребенок, а черт какой-то.

Марат подошел сзади, легко потерялся о Танькино бедро, но, когда увидел несчастную девочку на дне бочки, тихо присвистнул:

— Надо вынимать.

— Пусть посидит, подумает о своем поведении, — строго ответила Татьяна.

— Краска плохая, дешевая, ядовитая сильно. Нельзя девочке так сидеть, плохо будет.

— Ну куда ты полезешь, Маратик, испачкаешься. Мы домой ей позвоним, пусть мама полюбуется.

— Слушай, зачем говоришь так? Пока ее мама доедет, девочка заболеть может. Отойди, сам выну.

Марат сбросил с плеч рубашку, обнажив седеющую мохнатость груди, и, подхватив Машу под мышки, выдернул на поверхность. Один сандалик утонул в ядовитой жиже, но это было малозаметно, поскольку теперь казалось, что Маша одета в сплошной зеленый комбинезон, заканчивающийся чуть повыше пояса.

Весь путь назад к детскому саду Маша шла в конце строя одна. Дети поглядывали на нее и хихикали. Прохожие на улице с любопытством озирались. Пока дозванивались маме, Машу пытались оттереть и отмыть. Это получалось плохо, краска действительно была ядовитой. Татьяна Олеговна вошла в медкабинет, где нянечка Шура и медсестра Тоня спасали девочку. Когда на детском теле, наконец, остался только как будто въевшийся под кожу зеленый замысловатый узор, Татьяна увела Машу. Она хотела провести перед старшей группой показательное наказание девочки, осмелившейся нарушить запрет, и наглядно продемонстрировать детям, к чему это может привести.

Дети уселись на низкие лавки, расставленные в зале напротив маленькой сцены, где проходили обычно утренники и родительские собрания. Татьяна Олеговна вышла вперед, а Маша осталась стоять у задника

с плохо нарисованными небом и радугой. Она была закутана в простыню. Снизу торчали худенькие, зелененькие ножки, а вот глаза, щеки и уши, наоборот, налились малиновой краской. Маша дрожала, как продрогший щенок, и теребила край простынки. Татьяна Олеговна спросила детей, помнят ли они, что она говорила перед прогулкой. Они помнили и хором ответили, что нельзя подходить к бочке, вагончику, мешкам с цементом, стеклам, мусору, а можно только играть с песком.

Она довольно кивнула и показала на Машу.

— А что сделала эта девочка?

Дети наперебой выкрикивали: «Залезла на бочку», «Запачкалась», «Не послушалась». Воспитательница легонько подтолкнула Машу к авансцене и потянула простыню. Маша попыталась вцепиться, но край соскочил, и все дети увидели голенькое девчачье тело, окраской напоминающее рептилию. Маша удержала кончик белой материи ниже пупка. Татьяна Олеговна с силой дернула, но пальцы девочки не разжались, тогда она схватила ее за руку и начала отгибать согнутые пальцы, и тут Маша очень громко и отчетливо сказала: «Сука, — и добавила: — Убери руки». Татьяна Олеговна охнула, но простыню не выпустила. Маша наклонилась и впилась зубами в белую, тошнотворно пахнущую земляничным мылом руку воспитательницы.

Потом дети еще долго вспоминали в деталях, как все происходило. Как дурным голосом орала Татьяна, как Машка не разжимала челюстей, пока из-под зубов не выступила кровь, как прибежал весь персонал, чтобы оттащить Машку. Некоторые дети потом рассказывали своим папам и мамам страшную историю, как однажды их девочка подралась с воспитательницей, укусила ее и сказала, что ту съедят волки. И самое страшное, что это произошло. Татьяну Олеговну действительно изуродовали, правда, не волки, а одичавшая стая собак, не съели, конечно, но откусили нос и ухо, выдрали куски тела на пояснице, груди и ногах. Она потом скончалась в больнице от кровопотери.

Когда же вокруг поползли слухи, что Маша «накаркала» смерть воспитательницы, бабушка припомнила, как однажды, когда Маше было почти три года, она пыталась заставить внучку доест кашу. Маша сопротивлялась и, как всегда, мотая головой, тянулась к стакану с вишневым компотом. Бабушка сказала, что вишни Маша получит только после каши, а иначе сама их съест. Для пущей наглядности она выловила вишню и отправила ее в рот. Маша отодвинула тарелку и вдруг внятно и громко произнесла: «Смотри не подавись». От неожиданности бабушка закашлялась, вишня застряла в горле, но ей удалось ее вытолкнуть. Тогда они с Наташей не придали значения словам девочки. Радовал сам факт — Маша говорить умеет, может, только не хочет, значит, надо заставлять. Теперь, после всей этой истории с воспитательницей, бабушка задумалась и решила, что глаз у внученьки «черный» и хорошо бы ее окрестить.

Батюшка был молод и симпатичен. Он отводил глаза от глубокого декольте Наташиного сарафана и смотрел в сторону, пока договаривались насчет даты и цены предстоящего таинства. Машка стояла, прижавшись к маминим коленям, и, задрав голову, рассматривала картинки, которыми были расписаны стены и потолок церкви. С той, что была ближе всех, на нее смотрел строгий бородач, у которого на носу сидела большая жирная муха. Поползав немного по святому лику, муха слетела прямо на Машкин лоб. Маша вздрогнула и замахала руками. Муха отлетела, но, угрожающе загудев, опять спикировала с высоты. Девочка отскочила в сторону и закричала. Батюшка побледнел, а когда увидел, что Маша, отступая, теряет равновесие и падает, задевая подсвечник с горящими свечами, рванулся к ней, но огонь уже прихватил капроновую оборку платица. Все обошлось. Священник продемонстрировал выучку и ловкость спасателя, сказывалась его прошлая служба в десантных войсках. Перепуганные мама и дочка вышли из церкви со строгим напутствием: «Крестить, и немедленно!»

После всех ритуальных и семейно-застольных процедур по обращению Маши на путь истинный девочка свалилась с температурой, и через пару дней ее тело покрылось мягкими, водянистыми пузырями, обозначившими необходимую и почти неотвратимую обязанность ребенка переболеть ветрянкой вовремя, желательно до старшего школьного возраста. Машина болезнь протекала легко, но сорванные из вредности оспинки на лбу и щеках долго потом служили маме поводом еще раз напомнить Маше, что она непослушная и теперь будет за это наказана, причем теперь она всякий раз приплетала к этому Боженьку.

— Пусть только попробует, — говорила себе Маша и при попытках завести ее в церковь ревела даже громче, чем на подходе к детскому саду. Но того худенького, прибитого гвоздями к кресту человека ей было жалко. Бабушка объяснила, что он Сын, а еще есть Отец и Дух. Все это было непонятно, и в результате Боженьку она представляла с тремя головами, смотрящими в разные стороны. Это было совсем не страшно. Одна голова смеялась, другая плакала, а третья посредине просто спала. Когда эта голова просыпалась, то поворачивалась то в одну, то в другую сторону. И от этого всем вокруг было то хорошо, то плохо. Вот такую картинку она и нарисовала. Получилось очень красиво, но бабушке не понравилось. Когда Маша подросла, мама частенько говорила, разглядывая щербатую рожицу девочки:

— С такими дырками теперь тебя никто замуж не возьмет.

А Маше не очень-то и хотелось, особенно после того, как в их доме появился второй мамин муж. Однажды среди ночи она проснулась от шума и криков. Мама верещала и захлебывалась от плача, отчим огрызался и, страшно матерясь, крушил мебель. Потом они помирились, даже целовались, но Маша слышала то слово, из-за которого ее выгнали из детского сада. Тогда она пообещала маме и бабушке больше никогда так не говорить, а на вопрос,

где она такое услышала, как всегда, промолчала. Ведь она просто вернула это слово Татьяне Олеговне, которая однажды, после тихого часа, сжав зубы, процедила: «Что же ты, сука, опять кровать обмочила? Когда же ты научишься на горшок проситься?»

Теперь дядя Володя сказал то, за что ее больно отшлепали по губам. Ей нельзя, а ему, значит, можно. Каждый раз, натыкаясь в коридоре на его велосипед и больно ударяя коленку, она мечтала о наказании для дяди Володи. В голову приходила одна и та же картинка: он едет по улице, крутит педали. Его грязная майка намокла от пота, а коротко стриженный затылок перерезан двумя жировыми складками. Он, как черепаха, втягивает голову в плечи и не смотрит по сторонам. Вдруг резко сворачивает прямо под колеса идущего рядом автомобиля. Отчим кричит запрещенное слово и валится на бок. И все...

Так оно и случилось, но не сразу. Маша пошла в школу. Очень скоро выяснилось, что она не может усвоить таблицу умножения и что методика дяди Володи — по столбику натошак, а если не запомнила, то вместо завтрака, обеда и ужина — довела ситуацию в доме до критической. Мама, которой нельзя было волноваться из-за угрозы выкидыша, орала на Вову, чтобы он перестал измываться над ребенком. Вова орал, что Маша выродец и ему не нравится, когда на него волком смотрят. Маша орала, что ненавидит арифметику, школу и всех на свете.

В день, когда у Володи родился сын, он радостно щелкнул по носу Машку и сказал: «Ну что, старшая, нянькаться будешь. Смотри у меня, мальчишку обидишь — уши надеру», — и уехал отмечать с друзьями-рыбаками знаменательное событие. По дороге домой его сбила машина. Экспертиза установила, что он был абсолютно пьян и вообще непонятно, как в таком состоянии мог удержаться в седле велосипеда. Маша видела, как на похоронах рыдала мама, как переживала бабушка, что мальчик будет расти без отца, как все вокруг вздыхали, поджимали губы и вытирали глаза. Она стояла возле

гроба и думала, что в тот день, когда дядя Володя пообещал ей уши надрать, она разозлилась. А если бы она не сказала, что сначала он должен быть наказан за плохое слово, может, ничего бы не случилось. Но плакать ей совсем не хотелось.

Маленького Витьку называли искусственником, и в этом, казалось, была какая-то игрушечность, вроде искусственного мишки или собаки. Маша слышала это слово от бабушки и врачей, которые набегали в дом. У мамы пропало молоко и всякий интерес к жизни. Она не брала Витю на руки, а он заходился в плаче. Маша склонялась над кроваткой, и младенец затихал. Он улыбался и просто дрожал от счастья, когда старшая сестра попадала в его поле зрения. Когда Маши не было, Витя капризничал. Мать вздыхала: «За что мне такое наказание? Одна крикухой была, теперь этот кровь пьет». Но Маша, наоборот, считала, что появление Вити — это самое радостное событие в их жизни, если не считать смерть отчима, и летела домой из школы на крыльях. Ее даже перестали мучить те мелкие и большие гадости, которые происходили в классе. К тому, что никто с ней не хотел сидеть или стоять в паре и вообще дружить, она уже привыкла.

В начале года ее пересадили на предпоследнюю парту из-за высокого роста и низкой активности. Сидела она у окна и за учебный год изучила ландшафт, открывающийся с высоты пятого этажа, так хорошо, что могла бы составить точнейшую топографическую карту окрестностей. Она, например, знала, сколько кустов и деревьев высажено по периметру школьной спортивной площадки, сколько скамеек у дома напротив и гаражей на противоположной стороне улицы, а вот в клеточках журнала успеваемости у нее по всем предметам, кроме чтения и рисования, кудрявились пухленькие троечки вперемешку с глистообразными двойками. Классная руководительница, Полина Сергеевна, была педагог молодой и честолюбивый. Маша портила картину успеваемости. Обычно такие сложности возникали с непослушными,